

АЛЕКСЕЙ ФЁДОРОВ

ВЫХОДИ ГУЛЯТЬ!

Путешествие по дворам
нашего детства

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф33

Федоров, Алексей Юрьевич.

Ф33 Выходи гулять! Путешествие по дворам нашего детства / Алексей Федоров. — Москва : Эксмо, 2025. — 272 с. — (Непридуманные истории о нашем прошлом от Алексея Федорова).

ISBN 978-5-04-209894-9

Автор написал эту книгу до того, как в обществе появился тренд на ностальгию по советскому-постсоветскому прошлому и один за другим начали выходить сериалы — «Слово пацана», «Лихие» и т.д.

В отличие от сериалов, в этой увлекательной книге нет крови и жестокости, зато есть всё то, что напрочь исчезло из жизни современных детей — жаргонные словечки, игры «во вкладыши», спички и ножички, дворовые разборки, мелкие кражи и торговля хламом, исследование чердаков и подвалов, бесстрашные сплавы по реке, поездки зацепером на товарняках и другие развлечения «на грани».

Кому будет интересно прочитать эту книгу? Тем, чье детство пришлось на 80-е, 90-е годы, кто увидит в героях самих себя, их детям-подросткам, которые многое поймут о своих родителях. И, конечно, людям еще более старшего поколения, которые удивятся тому, как мало они знали о собственных детях.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Федоров А.Ю., текст, 2025
© Юганова М.И., иллюстрации, 2025
© Михайлов С.В., иллюстрации, 2025
© Оформление. © ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-209894-9

*Поколению менеджеров
посвящается*

Содержание

Там, где должно быть вступление	7
Компашка	12
Словечки	25
Спички-Ножички	36
Коллекционеры	50
Яблоки за пятёрку	57
Кружок «Юный диггер»	63
Мячик за полцены	83
Два ящика амаретто	101
Одинокий ботинок	117
Зацеперы	129
Прыжок над бездной	141
Охотники за значками	154
Саранча	172
Царь горы	187
Куст крыжовника	207
Ты попал	220
Стена	238
Война	253

Там, где должно быть вступление

Когда я был маленьким, тополя были большими. Эти интервенты окончательно захватили Москву к началу 80-х. Говорят, тополями столица обязана Никите Хрущёву. Правда, не они, а платаны и кипарисы вызывали у генерального секретаря прилив ностальгической нежности. «Такие красивые деревья должны расти во всех советских городах», — однажды сказал генсек. Но даже высочайшее распоряжение не смогло сделать платаны более морозоустойчивыми, они никак не хотели приживаться севернее Геленджика. Кипарисы застыли на окраинах Краснодара. Самым похожим на оба дерева оказался тополь.

Главным достоинством тополей была способность вырабатывать пух. Пух хорошо горел, и мы с пацанами жгли его весь июнь. Главным же недостатком была хрупкость, из-за чего

друзья попеременно гремели гипсом. Меня подвела ива, но оказалось, что они с тополем родственники. Хрупкости следует отдать должное: Москву основательно проредил от тополей легендарный ураган 98-го года.

Когда я был маленьким, было ощущение большой страны. Плохая она была или хорошая — об этом до сих пор спорят историки, политики и большинство моих знакомых. Но одно могу сказать точно: жить в ней было безопаснее. В наш двор (а именно из двора, словно из гоголевской «Шинели», выходили тогда в жизнь новые поколения москвичей) родители спокойно отпускали гулять своих детей. Когда начинало темнеть, дворы наполнялись протяжными родительскими голосами: «Серё-ё-ёжа, домой! Ви-и-и-и-и-ика, домой!» Вслушиваешься — нет, не меня, какое счастье. А если не повезло, набираешь полные лёгкие воздуха и что есть силы шлёшь в сторону дома стандартное звуковое сообщение тех времён: «Пять минут!!!»

В большой стране были большие очереди. Очередь выстраивалась буквально за чем угодно, от хлеба до бижутерии. Когда я рассказываю своим детям, что на моей руке шариковой ручкой был написан номер 724, который нельзя было смывать три дня, они недоверчиво улыбаются. Когда однажды показал им, где заканчи-

валась очередь в булочную, тоже не поверили: не может очередь за хлебом тянуться через весь квартал. С годами я, кажется, понял ещё одну причину ажиотажа — такого вкусного хлеба мы не ели больше никогда в жизни.

Наше дворовое детство пахло сиренью и забродившими арбузами, дизельным чадом рейсового «Икаруса» и пластиком аудиокассет, индийским чаем и жвачкой «Турбо». Удовольствия были простыми, подарки запоминающимися — на день рождения тебе могли подарить жевательную резинку. Наличие вкладыша вместо фольги возводило счастье в абсолют. Потому что сразу появлялся пропуск в мир большой игры — настоящий джентльменский клуб нешуточных баталий во вкладыши. Девочек сюда не допускали. Пока они прыгали через резиночку в школьном дворе, пацаны со сбитыми набок пионерскими галстуками, рассевшись под школьной лестницей, истоиво стучали по полу ладонями, переворачивая бумажные квадратики с изображением автомобиля или динозавра. Игра азартная, на выигрыш нередко ставили мелочь, поэтому учителя и дежурные старшеклассники отлавливали игроков и нещадно наказывали.

Один раз меня поймали. Строгий комсомолец с едва пробивающимися усиками вытянул

меня за ногу из-под лестницы, крепко взял под локоть и потащил к кабинету директора. Правда, по дороге мы завернули в мужской туалет.

— Мелочь есть? — спросил он не церемонясь.

— Я всю проиграл, — попытался я соврать убедительно.

— Выворачивай карманы, — не поверил мне старший.

Я вывернул так, чтобы пятнадцать копеек остались зажатыми в кулаке:

— Вот.

Тут же последовал подзатыльник:

— Кулак раскрывай.

Пятнадцать копеек переместились в карман комсомольца. Опытным движением старшекласник залез за пазуху моего школьного пиджака и извлёк солидную пачку вкладышей, в большинстве от «Турбо». Всё моё состояние! Послунявив палец, медленно пересчитал. Двадцать восемь. Ещё раз, уже быстрее, отсчитал четырнадцать и убрал себе. Оставшиеся небрежно запихнул мне обратно в пиджак:

— Дуй отсюда и больше не попадайся.

Сердце заколотилось, ком моментально подступил к горлу, в носу защипало, слёзы тут же брызнули из глаз. В бессильной злобе, почти не контролируя себя, я проскулил:

— Обул, падла!

Комсомолец резко развернулся в дверях, я уже был готов к удару под дых и последующим поджопникам, но он лишь снисходительно улыбнулся:

— Да не ной ты, я тебе по-братски оставил. Отыграешься.

Компашка

Сначала я познакомился с Максом. В первом классе я уже дулся на маму за то, что всё ещё не отпускает меня гулять одного. В качестве компромисса была выбрана методика невидимого слежения: мама сидела на лавочке в центре детской площадки, а я курсировал по периметру двора, ощущая себя почти свободным. Копошась в куче мокрых осенних листьев, я увидел парня, слонявшегося вдоль забора старого детского сада. Парень подходил всё ближе и ближе. В какой-то момент он остановился совсем недалеко.

— В эту кучу можно прыгать с забора, — обратился он ко мне после долгой паузы.

— Я хотел, но на него трудно залезть, — ответил я.

— Трудно, если ты один. Я могу тебя подсадить, и ты прыгнешь. А потом ты поможешь мне, — предложил он.

— Я, кстати, Лёха, мне почти семь, — прохрипел я, изо всех сил подтягиваясь на железную планку забора. Ноги отчаянно проскальзывали по мелкой рабице, новоиспечённый товарищ в это время тужился, заталкивая меня наверх. — Но одноклассники зовут меня Поэт, потому что я пишу стихи и уже прочитал несколько стихотворений перед классом.

— Максим, мне восемь, — ответил он, когда я наконец очутился наверху и балансировал на тонкой рейке, словно канатоходец.

У Максима была старшая сестра, которой было поручено наблюдать за братом издалека, кроме того, на балкон третьего этажа периодически выходила мама. В каком-то смысле мы оказались собратьями по опеке. Целый год мы гуляли вдвоём. Потом он познакомил меня с одноклассником Тимуром — Тимой, жившим в соседней пятиэтажке. Кажется, его папа был кооператором и ездил на новой «девятке». У Тимы были дорогие спортивные костюмы и хорошее воспитание.

На два этажа выше Тимы жил Хоха, его прозвище было производным от фамилии. Он был из цирковой семьи и к своим шести годам успел посетить Японию. Большую часть времени Хоха проводил с родителями на манеже, в детский сад не ходил, поэтому родители отпускали его

гулять во двор, чтобы он хоть иногда общался со сверстниками. У Хохи был японский вертолёт на радиоуправлении — по советским меркам это всё равно что иметь, скажем... нет, такого сравнения ещё не придумали.

Позже к нашей компании присоединились ребята на два года младше — долговязый тощий Шкура и низкорослый Гудок. Шкура рос без отца, но его мать работала акушеркой, поэтому Шкура ездил на отдых в Болгарию, щеголял вещами из «Берёзки» и всегда имел карманные деньги. Родители Гудка были рабочими, в его семье подрастали ещё трое детей, видимо, поэтому он носил одну пару обуви зимой и летом.

По крутости с Хохой и Шкурой мог конкурировать только Женька-музыкант, живший прямо над Максом. Родители Женьки преподавали в консерватории, и во дворе говорили, что младенцем его вместо люльки убаюкивали в чехле от виолончели. Так он и рос с ней в обнимку. Зато весь наш двор каждый день, особенно летом, бесплатно слушал отрывки из лучших произведений классической музыки. Единственным недовольным был Макс. «Опять они с самого утра пиликают, хоть уши затыкай», — нередко жаловался он. Но потом Женьку-музыканта показали по первой программе: он музицировал

на официальной встрече Горбачёва и Буша-старшего, последний даже потрепал юное дарование по курчавой голове, и Макс начал гордиться таким соседством.

Последними к нашей бригаде присоединились «мелкие» — жившие в четырнадцатэтажке Славик и Руслик. Они учились в одном классе, были младше меня на три года и получили одно прозвище на двоих — Славоруслики. Отец Славика был водителем скорой помощи и подрабатывал, перевозя на ней стройматериалы, вещи, животных, в общем всё то, за что люди были готовы заплатить. Руслик жил с мамой и бабушкой, которые с началом 90-х стали челночить в Лужниках — с утра тащили огромные тюки в сторону остановки, а вечером шли назад с тюками поменьше.

Когда компания сложилась, у нас начали появляться свои ритуалы. Например, чтобы собраться вместе, предстояло **позвонить, покричать** или **зайти**. **Позвонить** было проще всего, как правило, трубку поднимал кто-то из родителей, а ещё чаще бабушка или дедушка:

— Здравствуйте, а Диму можно?

— А это кто? — спрашивал голос со строгими нотками.

— Это Алёша, его одноклассник, хотел спросить про задание по биологии, — вежливо

и тактично подыгрываешь взрослому, чтобы товарища всё-таки позвали к телефону.

— Минуточку, — отвечали на том конце провода после многозначительной паузы.

А ведь могли и не позвать. Тем более если друг живёт в коммуналке, а телефон стоит на тумбочке в общем холле. Тогда в действие вступал следующий пункт плана — **покричать**. К сожалению, он помогал выманить на улицу лишь того, кто жил не выше третьего этажа. Обычно кричали хором, выстроившись в ряд под окном товарища.

— Ди-и-и-има-а-а-а, — взлетал наверх перезвон детских голосов.

Ещё раз — и штора отодвигалась, из темноты комнаты высовывалась голова друга. Улыбка на лице — значит, родители скоро разрешат пойти на улицу, а нет улыбки, скорее всего, провинился или схлопотал двойку и теперь гулять точно не отпустят. А иногда над подоконником всплывал взъерошенный образ с градусником во рту.

— Ну понятно, — обречённо вздыхали мы.

Третьим вариантом было **зайти**. Заходили, как правило, всей гурьбой, но в дверь звонил самый смелый, остальные прятались под лестницей. Обычно парламентёром выбирали того, кто не боялся взрослых и мог общаться с ними

свободно, почти на равных, не терялся и не мямлил.

— Кто там? — звучало из-за двери.

— А Дима выйдет? — спрашивал через дверь парламентёр.

После этого обычно подзывали товарища, и через щель в приоткрытой двери можно было поговорить.

— Сейчас я, математику доделаю и сразу выйду, подождите меня на площадке, — шептал друг.

— Это долго, мы собрались на речку, — внезапно звучало снизу — ожидающие держали ухо остро и живо участвовали в разговоре.

— Пацаны, я пластмассовый щит вынесу, вчера родители с дачи забрали, — пытался подкупить нас товарищ.

— Ладно, ждём полчаса, — одобряло «вече», и компания шумно выбегала на улицу.

Однажды мы с Максом покоряли иву, раскинувшую свои ветви недалеко от детской площадки. Ещё стоя на земле, я посмотрел наверх и почему-то подумал: «Не повезёт тому, под кем обломится этот ствол, он полетит вниз и что-нибудь себе сломает». Не зря говорят, что мысль материальна: через несколько минут я услышал под собой треск, земля и небо, вращаясь, два-